

Мир приключений

Оскар УАЙЛЬД

Портрет
Дориана Грея

Оскар Уайльд

**Преступление лорда
Артура Сэвила**

«Public Domain»

Уайльд О.

Преступление лорда Артура Сэвила / О. Уайльд — «Public Domain»,

Что толкает нас на совершение тех или иных поступков – рука судьбы или невпопад брошенное замечание? И вообще, может ли уважающий себя джентльмен жениться, если линии на его руке предвещают убийство?

© Уайльд О.

© Public Domain

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Оскар Уайльд

Преступление лорда Артура Сэвила

Размышление о чувстве долга

I

Леди Уиндермир давала последний прием перед пасхой, и дом был заполнен до отказа. Шесть министров явились прямо из парламента в орденах и лентах, светские красавицы блистали изящнейшими туалетами, а в углу картинной галереи стояла принцесса София из Карлсруэ – грузная дама с роскошными изумрудами и крохотными черными глазками на скуластом татарском лице; она очень громко говорила на скверном французском и неумеренно хохотала в ответ на любую реплику. Как все чудесно перемешалось! Сиятельные леди запросто болтали с воинствующими радикалами, прославленные проповедники по-приятельски беседовали с известными скептиками, стайка епископов порхала из зала в зал вслед за дебелой примадонной, на лестнице стояли несколько действительных членов Королевской академии, маскирующихся под богему, и прошел слух, что столовую, где накрыли ужин, просто оккупировали гении. Без сомнения, это был один из лучших вечеров леди Уиндермир, и принцесса задержалась почти до половины двенадцатого.

Как только она уехала, леди Уиндермир вернулась в картинную галерею, где знаменитый экономист серьезно и обстоятельно разъяснял научную теорию музыки негодующему виртуозу из Венгрии, и заговорила с герцогиней Пейсли.

Как хороша была хозяйка вечера! Невозможно не восхищаться белизной ее точеной шеи, незабудковой синевой глаз и золотом волос. То было и в самом деле *or pur*¹, а не бледно-желтый цвет соломы, который ныне смеют сравнивать с благородным металлом, то было золото, вплетенное в солнечные лучи и упрятанное в таинственной толще янтаря; в золотом обрамлении ее лицо светилось как лик святого, но и не без магической прелести греха. Она являла собой интересный психологический феномен. Уже в юности она познала ту важную истину, что опрометчивость и легкомыслие чаще всего почитают за невинность. За счет нескольких дерзких проделок – большей частью, впрочем, совершенно безобидных – она приобрела известность и уважение, подобающие видной личности. Она не раз меняла мужей (согласно справочнику Дебретта, их у нее было три), но сохранила одного, любовника, и потому пересуды на ее счет давно прекратились. Ей недавно исполнилось сорок, она была бездетна и обладала той неумейной жадой удовольствий, которая единственно и продлевает молодость. Вдруг она нетерпеливо огляделась и проговорила своим чистым контральто:

– Где мой хиромант?

– Кто-кто, Глэдис? – вздрогнув, воскликнула герцогиня.

– Мой хиромант, герцогиня. Я теперь жить без него не могу.

– Глэдис, милая, ты всегда так оригинальна, – пробормотала герцогиня, пытаясь вспомнить, что такое хиромант, и опасаясь худшего.

– Он приходит два раза в неделю, – продолжала леди Уиндермир, – и извлекает интереснейшие вещи из моей руки.

– О боже! – тихо ужаснулась герцогиня. – Что-то вроде мозольного оператора. Какой кошмар. Надеюсь, он, по крайней мере, иностранец. Это было бы еще не так страшно.

– Я непременно должна вас познакомить.

¹ Чистое золото (*фр*).

– Познакомить! – вскричала герцогиня. – Он что же, здесь? – Она принялась искать глазами свой черепаховый веер и весьма потрепанную кружевную накидку, с тем чтобы, если потребуется, ретироваться без промедления.

– Разумеется, он здесь. Какой же прием без него! Он говорит, что у меня богатая, одухотворенная рука и что если бы большой палец был чуточку короче, то я была бы меланхолической натурой и пошла в монастырь.

– Ах, вот что. – У герцогини отлегло от сердца. – Он гадает!

– И угадывает! – подхватила леди Уиндермир. – И так ловко! Вот в будущем году, например, меня подстерегает большая опасность и на суше и на море, так что я буду жить на воздушном шаре, а ужин мне по вечерам будут поднимать в корзине. Это все написано на моем мизинце – или на ладони, я точно не помню.

– Ты искушаешь провидение, Глэдис.

– Милая герцогиня, я уверена, что провидение давно научилось не поддаваться искушению. По-моему, каждый должен ходить к хироманту хотя бы раз в месяц, чтобы знать, что ему можно и чего нельзя. Потом мы, конечно, делаем все наоборот, но как приятно знать о последствиях заранее! Если кто-нибудь сейчас же не отыщет мистера Поджерса, я пойду за ним сама.

– Позвольте мне, леди Уиндермир, – сказал высокий красивый молодой человек, который в продолжение всего разговора стоял, улыбаясь, рядом.

– Спасибо, лорд Артур, но вы нее его не знаете.

– Если он такой замечательный, как вы рассказывали, леди Уиндермир, я его ни с кем не спутаю. Опишите его внешность, и я сию же минуту приведу его.

– Он совсем не похож на хироманта. То есть в нем нет ничего таинственного, романтического. Маленький, полный, лысый, в больших очках с золотой оправой – нечто среднее между семейным доктором и провинциальным стряпчим. Сожалею, но я, право, не виновата. Все это очень досадно. Мои пианисты страшно похожи на поэтов, а поэты на пианистов. Помню, в прошлом сезоне я пригласила на обед настоящее чудовище – заговорщика, который взрывает живых людей, ходит в кольчуге, а в рукаве носит кинжал. И что бы вы думали? Он оказался похожим на старого пастора и весь вечер шутил с дамами. Он был очень остроумен и все такое, но представьте, какое разочарование! А когда я спросила его о кольчуге, он только рассмеялся и ответил, что в Англии в ней было бы холодно. А вот и мистер Поджерс! Сюда, мистер Поджерс. Я хочу, чтобы вы погадали герцогине Пейсли. Герцогиня, вам придется снять перчатку. Нет, не эту, другую.

– Право, Глэдис, это не вполне прилично, – проговорила герцогиня, нехотя расстегивая отнюдь не новую лайковую перчатку.

– Все, что интересно, не вполне прилично, – парировала леди Уиндермир. – *On a fait le monde ainsi*². Но я должна вас познакомить. Герцогиня, это мистер Поджерс, мой прелестный хиромант. Мистер Поджерс, это герцогиня Пейсли, и если вы скажете, что ее лунный бугор больше моего, я вам уже никогда не поверю.

– Глэдис, я уверена, что у меня на руке нет ничего подобного, – с достоинством произнесла герцогиня.

– Вы совершенно правы, ваша светлость, – сказал мистер Поджерс, взглянув на пухлую руку с короткими толстыми пальцами, – лунный бугор не развит. Но линия жизни, напротив, видна превосходно. Согните, пожалуйста, руку. Вот так, благодарю. Три четких линии на сгибе! Вы доживете до глубокой старости, герцогиня, и будете очень счастливы. Честолюбие... весьма скромно, линия интеллекта... не утрирована, линия сердца...

– Говорите все как есть, мистер Поджерс! – вставила леди Уиндермир.

² Так уж устроен мир (*фр.*)

– С превеликим удовольствием, сударыня, – сказал мистер Поджерс и поклонился, – но, увы, герцогиня не дает повода для пространных рассказов. Я вижу редкое постоянство в сочетании с завидным чувством долга.

– Продолжайте, прошу вас, мистер Поджерс, – весьма благосклонно произнесла герцогиня.

– Не последнее из достоинств вашей светлости – бережливость, – продолжал мистер Поджерс, и леди Уиндермир прыснула со смеху.

– Бережливость – прекрасное качество, – удовлетворенно проговорила герцогиня. – Когда я вышла за Пейсли, у него было одиннадцать замков и ни одного дома, пригодного для жизни.

– А теперь у него двенадцать домов и ни одного замка! – отозвалась леди Уиндермир.

– Видишь ли, милая, я люблю...

– Комфорт, – произнес мистер Поджерс, – удобства и горячую воду в каждой спальне. Вы совершенно правы, ваша светлость. Комфорт – это единственное, что может нам дать цивилизация.

– Вы чудесно отгадали характер герцогини, мистер Поджерс. Теперь погадайте леди Флоре. – Повинуясь знаку улыбающейся хозяйки, из-за дивана неловко выступила высокая девушка с острыми лопатками и рыжеватыми волосами, выдающими шотландское происхождение; она протянула худую, длинную руку с крупными и как бы приплюснутыми пальцами.

– А, пианистка! Вижу, вижу, – сказал мистер Поджерс. – Превосходная пианистка, хотя, пожалуй, и не из тех, что зовутся музыкантами. Скромна, честна, очень любит животных.

– Сущая правда! – воскликнула герцогиня, обращаясь к леди Уиндермир. – Флора держит в Макклоски две дюжины овчарок. Она бы и наш городской дом превратила в зверинец, если б только отец позволил.

– Со своим домом я это проделываю каждый четверг, – рассмеялась леди Уиндермир, – вот только овчаркам предпочитаю львов.

– Тут вы ошибаетесь, леди Уиндермир, – сказал мистер Поджерс и чинно поклонился.

– Женщина без милых ошибок – это не женщина, а особа женского пола. Но погадайте нам еще. Сэр Томас, покажите вашу руку.

Приятного вида пожилой господин в белом жилете протянул большую шершавую руку с весьма длинным средним пальцем.

– Непоседливый нрав; четыре дальних путешествия в прошлом, одно еще предстоит. Трижды попадал в кораблекрушение. Нет-нет, дважды, но рискует разбиться вновь. Убежденный консерватор, весьма пунктуален, страстный коллекционер. Тяжело болел в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет. В тридцать унаследовал крупное состояние. Питает отвращение к кошкам и радикалам.

– Поразительно! – вскричал сэр Томас. – Вы непременно должны погадать моей жене.

– Вашей второй жене, – уточнил мистер Поджерс, все еще не выпуская из рук пальцы сэра Томаса. – С превеликим удовольствием.

Но леди Марвел – меланхоличная дама с каштановыми волосами и сентиментальными ресницами – наотрез отказалась предать гласности свое прошлое и будущее, а русский посол мосье де Колов не пожелал даже снять перчатки, несмотря на все увещевания леди Уиндермир. Да и многие другие побоялись предстать перед забавным человечком с шаблонной улыбкой, очками в золотой оправе и пронизательными глазами-бусинками; а уж когда он сказал бедной леди Фермор – прямо здесь, в обществе, – что она равнодушна к музыке, но очень любит музыкантов, никто более не сомневался, что хиромантия – крайне опасная наука и поощрять ее не следует, кроме как *tete-a-tete* ³.

Однако лорду Артуру Сэвилу, который ничего не знал о печальной истории леди Фермор и с немалым интересом наблюдал за мистером Поджерсом, чрезвычайно захотелось, чтобы ему тоже погадали, но, не решаясь громко заявить о своем желании, он подошел к леди Уиндермир и, очаровательно покраснев, спросил, удобно ли, по ее мнению, побеспокоить мистера Поджерса.

– Ну разумеется! – сказала леди Уиндермир. – Он здесь для того, чтобы его беспокоили. Все мои львы, лорд Артур, это львы-артисты; по первому моему слову они прыгают через обруч. Но я вас предупреждаю, что ничего не утаю от Сибил. Я жду ее завтра к обеду – нам надо поболтать о шляпках, и, если мистер Поджерс выяснит, что у вас дурной нрав, или склонность к подагре, или жена в Бейсуотере, я все ей непременно передам.

Лорд Артур улыбнулся и покачал головой.

– Я не боюсь. Она обо мне все знает, как и я о ней.

³ С глазу на глаз (*фр.*)

– В самом деле? Вы меня, право, немного огорчили. Взаимные иллюзии – вот лучшая основа для брака. Нет-нет, я не цинична, просто у меня есть опыт – впрочем, это одно и то же. Мистер Поджерс, лорд Артур Сэвил мечтает, чтоб вы ему погадали. Только не говорите, что он обручен с одной из милейших девушек в Лондоне: об этом «Морнинг пост» сообщила месяц тому назад.

– Леди Уиндермир, душечка, – вскричала маркиза Джедберг, – оставьте мне мистера Поджерса. Он только что сказал, что меня ждут подмостки – как интересно!

– Если он вам такое сказал, леди Джедберг, я заберу его от вас сию же секунду. Сюда, мистер Поджерс. Погадайте лорду Артуру.

– Что ж, – леди Джедберг состроила обиженное личико и поднялась с дивана, – если мне нельзя на сцену, разрешите хотя бы быть зрителем.

– Разумеется. Мы все будем зрителями, – объявила леди Уиндермир. – Итак, мистер Поджерс, сообщите нам что-нибудь приятное. Лорд Артур – мой любимец.

Но, взглянув на руку лорда Артура, мистер Поджерс странно побледнел и не произнес ни слова. Он зябко поежился, и его кустистые брови уродливо задергались, как это случилось, когда он был в растерянности. На желтоватом лбу мистера Поджерса появились крупные бусинки пота, словно капли ядовитой росы, а его толстые пальцы сделались влажными и холодными.

Лорд Артур заметил эти признаки смутения и сам – впервые в жизни – почувствовал страх. Ему захотелось повернуться и бежать, но он сдержал себя. Лучше знать все, даже самое ужасное. Невыносимо оставаться в неведении.

– Я жду, мистер Поджерс, – сказал он.

– Мы все ждем! – нетерпеливо заметила леди Уиндермир, но хиромант по-прежнему молчал.

– Артуру, наверное, суждено играть на театре, – предположила леди Джедберг, – но вы были так строги с мистером Поджерсом, что он вас теперь боится.

Внезапно мистер Поджерс отпустил правую руку лорда Артура и схватил левую, склонившись над ней так низко, что золотая оправа его очков почти коснулась ладони. Мгновение его побелевшее лицо выражало неподдельный ужас, но он быстро совладал с собой и, повернувшись к леди Уиндермир, произнес с деланной улыбкой:

– Передо мной рука очаровательного молодого человека.

– Это ясно, – ответила леди Уиндермир. – Но будет ли он очаровательным мужем? Вот что я хочу знать.

– Как все очаровательные молодые люди, – сказал мистер Поджерс.

– По-моему, муж не должен быть слишком обворожительным, – в задумчивости проговорила леди Джедберг. – Это опасно.

– Дитя мое, – воскликнула леди Уиндермир, – муж никогда не бывает слишком обворожителен!

Но я требую подробностей. Только подробности интересны. Что ждет лорда Артура?

– Гм, в течение ближайших месяцев лорд Артур отправится в путешествие...

– Ну разумеется, в свадебное!

– И потеряет одного из родственников.

– Надеюсь, не сестру? – жалобно спросила леди Джедберг.

– Нет, безусловно не сестру, – мистер Поджерс жестом успокоил ее. – Кого-то из дальней родни.

– Что ж, я безумно разочарована, – заявила леди Уиндермир. – Мне абсолютно нечего рассказать Сибил. Дальняя родня теперь никого не волнует – она давно уже вышла из моды. Впрочем, пусть Сибил купит черного шелку – он хорошо смотрится в церкви. А теперь ужинать. Там, конечно, давно все съели, но нам, быть может, подадут горячий суп. Когда-то Фран-

суа готовил отменный суп, но теперь он так увлекся политикой, что я не знаю, чего и ждать. Скорее бы уговорился этот генерал Буланже. Герцогиня, вы не устали?

– Вовсе нет, Глэдис, свет мой, – отозвалась герцогиня, ковыляя к двери. – Я получила огромное удовольствие, и этот твой ортодонт, то бишь хиромант, весьма интересен. Флора, где мой черепаховый веер? Ах, спасибо, сэр Томас. А моя кружевная накидка, Флора? Благодарю вас, сэр Томас, вы очень любезны. – И сия достойная дама спустилась, наконец, по лестнице, уронив свой флакон с духами не более двух раз.

В продолжение всего этого времени лорд Артур Сэвил стоял у камина, объятый нестерпимым страхом, являющей душу тревогой перед безжалостным роком. Он грустно улыбнулся сестре, когда та пропорхнула мимо в прелестной розовой парче и жемчугах, легко опершись на руку лорда Плимдейла, и словно во сне слышал, как леди Уиндермир пригласила его следовать за собой. Он думал о Сибил Мертон – и при мысли, что их могут разлучить, его глаза затуманились от слез.

Глядя на него, можно было подумать, что Немезида, похитив щит Афины, показала ему голову Медузы Горгоны. Он словно окаменел, а меланхолическая бледность сделала его лицо похожим на мрамор. Сын знатных и богатых родителей, до сих пор он знал лишь жизнь, полную чудесной роскоши и тонкого изящества, жизнь по-мальчишески беспечную, начисто лишенную презренных забот; теперь – впервые – он прикоснулся к ужасной тайне бытия, ощутил трагическую неотвратимость судьбы.

Чудовищно, невероятно! Неужели на его руке начертано тайное послание, которое расшифровал этот человек, – предвестие злодейского греха, кровавый знак преступления? Неужели нет спасения? Или мы в самом деле всего лишь шахматные фигуры, которые незримая сила передвигает по своей воле, – пустые сосуды, подвластные рукам гончара, готовые для славы и для позора? Разум восставал против этой мысли, но лорд Артур чувствовал близость ужасной трагедии, словно вдруг на него взвалили непосильную ношу. Хорошо актерам! Они выбирают, что играть, – трагедию или комедию, сами решают, страдать им или веселиться, лить слезы или хохотать. Но в жизни все не так. В большинстве своем мужчины и женщины вынуждены играть роли, для которых они совсем не подходят. Наши Гильденстерны играют Гамлета, а наши Гамлеты паясничают, как принц Хэл. Весь мир – сцена, но спектакль выходит скверный, ибо роли распределены из рук вон плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.